

A detailed oil painting of Nikolai Mikhailovich Przhevalsky. He is depicted from the chest up, wearing a dark red military uniform with ornate gold embroidery on the collar, cuffs, and lapels. He has a prominent dark mustache and is looking directly at the viewer with a serious expression. The background features a dramatic landscape with snow-capped mountains under a blue sky with white clouds.

Война Владимир

**Николай
Михайлович
Пржевальский:
путешественник
и
исследователь
Центральной
Азии**

Война Владимир

Николай Михайлович

**Пржевальский: путешественник и
исследователь Центральной Азии**

«Автор»

2026

Владимир В. В.

Николай Михайлович Пржевальский: путешественник и исследователь Центральной Азии / В. В. Владимир — «Автор», 2026

Биографический очерк о Николае Михайловиче Пржевальском (1839—1888) — русском путешественнике и исследователе Центральной Азии. Рассказывается о его детстве, учёбе, военной службе, четырёх экспедициях в Монголию, Тибет и Китай, об открытии Лобнора, хребтов Куньлуня и Наньшаня, лошади Пржевальского. Отдельная глава посвящена научному вкладу исследователя. Для широкого круга читателей.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Война Владимир Николай Михайлович Пржевальский: путешественник и исследователь Центральной Азии

Глава

Введение

Памятник на Иссык-Куле В Русском Туркестане, почти на границе с Китаем, в двенадцати верстах от города Пржевальска, на крутом обрывистом берегу озера Иссык-Куль стоит памятник. Он имеет вид скалы, сложенной из больших каменных глыб. Наверху — бронзовый орёл с распростёртыми крыльями, символ ума, силы и бесстрашия. Склонив голову, он рассматривает географическую карту Азии, лежащую под его когтями; в клюве — оливковая ветвь, знак мирных завоеваний науки. На лицевой стороне высечено: «Николай Михайлович Пржевальский», «Первому исследователю природы Центральной Азии». Широко раскинулась синяя гладь озера. Кругом обступили его утёсы, уходящие в далёкие пустыни угрюмой Азии. С юга высится стена Небесного хребта, увенчанная непрерывной цепью снежных вершин. Чем дальше к западу, тем ближе подступают горы к синеющим водам Иссык-Куля. Закутанные в белые саваны великаны сторожат одинокую могилу путешественника. Как русский сказочный богатырь, он зарыт на перепутье, словно указывая дальнейший путь тем, кто захочет пойти по его следам в глубь негостеприимных азиатских плоскогорий. Пустынно и дико вокруг. Только буйные ветры свистят над могилой, да синие волны, катясь, ударяют о её подножие и отступают назад. Пржевальский всецело посвятил себя изучению Центральной Азии. Почти десять лет провёл он в её пустынях и горах, прошёл около тридцати тысяч верст и открыл учёному миру места, о которых прежде не знали. Ни обширные безводные пустыни, ни заснеженные хребты, ни стужа с метелями, ни палящий зной с непрерывными дождями, ни нападения разбойников — ничто не могло остановить этого человека, страстно любившего природу и свободу диких стран. Он шёл вперёд смело и безостановочно с горстью спутников и с маленькой записной книжкой, куда заносил всё, что заслуживало внимания. Центральная Азия — от сибирских гор на севере до Гималаев на юге, от хребта Хинган на востоке до Памира на западе — занимает пространство в 120 тысяч квадратных географических миль; она больше Европейской России. Здесь живут три главные народности: монголы, тангуты (тибетцы) и туркестанцы. Кое-где по оазисам селятся китайцы и дунгане, а на западе кочуют киргизы. Оседлая жизнь возможна лишь в немногочисленных оазисах, разбросанных островками у подножия гигантских горных хребтов. Словно муравей, копается оседлый азиат на своём маленьком поле: кропотливая работа, не требующая чрезмерного напряжения сил, как раз по сердцу этому человеку. Он довольствуется малым, неприхотлив и счастлив по-своему — только бы не тревожили. Всё остальное пространство заполнила суровая пустыня, где изредка встречается неприхотливый кочевник. Дикая природа нигде не даёт простора деятельности человека, всюду давит его и развивает в нём выносливость и покорность судьбе. Народы Центральной Азии отличаются вялостью и ленью; они не спешат жить. «Хорошие люди никогда не торопятся; это делают только дурные, как воры или разбойники», — говорят монголы и тангуты. Лицемерие и хитрость считаются у них высокими достоинствами. В такой обстановке пришлось работать Пржевальскому.

Детство и юность

Николай Михайлович Пржевальский родился в 1839 году в сельце Кимборове Смоленской губернии. Вскоре родители переселились в усадьбу Отрадное. Вдали от города, окружённая непроходимыми лесами, с множеством ручейков, речек и прудов, усадьба была прекрасным уголком, где безвыездно прошли лучшие годы детства будущего путешественника. Чистый воздух, зелёные луга, тёмные леса, где ютились звери и птицы, тишина, простор и свобода — всё это запечатлелось в памяти Пржевальского и внушило ему страстную любовь к природе. В раннем детстве он привязался к своей няне Макарьевне, исполнявшей также должности ключницы, экономки и главной помощницы по хозяйству. Макарьевна обладала крутым нравом, зорко следила за дворней и строго наказывала провинившихся слуг, но своего питомца баловала, кормила сладостями и яблоками, рассказывала сказки. Особенно нравилась шаловливому и непокорному мальчику сказка «Иван, великий охотник». Бывало, когда он слишком расшалится, няня прибегала к последнему средству: — Хочешь, я расскажу тебе об Иване, великом охотнике? — Хочу, хочу! — кричал мальчик и прекращал шалости. А то взберётся на высокое дерево и сидит там. Мать перепугается, зовёт его, но он не слезает. Только няня могла уговорить его спуститься: — Сойди, паныч! Я дам тебе яблоко. — Дашь? Ну, хорошо, тогда сойду. Семи лет мальчик лишился отца. Оставшись рано вдовой, мать сама вела хозяйство. Она любила детей, была добра и справедлива, а за грубые шалости строго наказывала. Детям предоставлялась полная свобода. «Рос я в деревне дикарём, — вспоминал Николай Михайлович. — Воспитание было самое спартанское: я мог выходить из дому вместе с братом куда угодно, в любую погоду». Дети в одних рубашонках выбегали на улицу, мокли под проливным дождём, бегали по снегу, гуляли одни в лесу, где водились и медведи, лазили по деревьям. Ловля бабочек и купание были любимыми летними занятиями. Товарищей у братьев не было, а из двора Николай Михайлович особенно ценил Ваську-шалуна, который никого не боялся и не признавал препятствий. Много шалостей придумывали они вдвоём, за что их нередко и секли. «Немало розог доставалось мне в ранней юности, — говорил Пржевальский, — потому что я был препорядочным сорванцом; бывшие в гостях соседи советовали моей матери отправить меня со временем на Кавказ, на службу». У Пржевальских жил дядя Павел Алексеевич — страстный охотник. Он скоро приучил к охоте и буйного племянника. «Сначала стрелял я из игрушечного ружья желудями, потом из лука, а лет двенадцати получил настоящее ружьё. Руководителем на охоте был мой дядя Павел Алексеевич Каретников, брат матери». Охота имела большое влияние на впечатлительного мальчика: он полюбил природу так сильно, что и взрослым его постоянно тянуло в лес. Когда Николаю Михайловичу было пять лет, его засадили за ученье. Первым учителем его и брата был дядя: он обучал их грамоте и французскому языку. Затем пригласили семинаристов. Один из них подготовил мальчиков к поступлению в гимназию во второй класс. С грустью расстались дети с привольным деревенским житьём и уехали в Смоленск. Их отвёз дядька Игнат, который постоянно находился при них и часто жаловался матери, что с «панычами сладу нет». В Смоленске братья поселились в небольшой квартирке. Первые годы дядька каждый день водил их в гимназию, носил завтрак и провожал домой. Без Игната они не смели никуда отлучаться.

Тогдашняя гимназия не отличалась порядками. Учителя, нередко пьяные, бранились с учениками и позволяли себе таскать их за волосы. Розги применялись часто — там «в буквальном смысле секли по субботам». Уроков не объясняли, задавали только заучивать наизусть от такой-то до такой-то страницы. Ученье у Николая Михайловича шло прекрасно. Хорошие способности и изумительная память сделали его одним из первых учеников: ему достаточно было прочесть урок один раз, чтобы получить отличную отметку. «Ему всегда ясно представлялась страница книги, где был ответ, и каким шрифтом она напечатана, и буквы на геометрическом чертеже, и формулы со всеми знаками». «Если бы преподаватели, — говорил Пржевальский, — догадались переменить во время ответа буквы на чертеже, я наверняка всё бы спутал». Братья очень скучали в городе, особенно зимой. Они высчитывали дни до Рожде-

ства, масленицы, Пасхи, когда можно будет повеселиться в деревне. Летние каникулы были лучшим праздником. С наступлением весны Николай Михайлович испытывал тяжёлую тоску. Он выдумывал разные предлоги, чтобы убежать в окрестности Смоленска, побродить по лесам и полям. Наступали каникулы, и братья возвращались в Отрадное. Они жили вместе с дядей Павлом Алексеевичем в отдельном флигеле, куда приходили только ночевать. Книг в Отрадном не водилось. О Пушкине, Гоголе, Лермонтове дети ничего не слыхали. Весь день проводили на рыбной ловле или на охоте, ежедневно доставляя дичь к столу. Дядя снабжал племянников порохом и дробью, а мальчики увеличивали запасы, выбирая дробь из заборов и собирая свинцовую бумагу из-под чая, растапливали её на свечке и отливали пули. Николай Михайлович настолько увлекался охотой, что, заметив зверя, ранней весной совсем раздевался, переходил через ручьи и без одежды гнался за добычей. В такие минуты он забывал обо всём. Всегда ленивый, с тяжёлой и медленной походкой, на охоте он преображался: был чуток ко всякому шороху и мог ходить много и долго. Под влиянием жизни в лесу из него выработался человек здоровый и духом, и телом; развились наблюдательность, неустойчивость и выносливость. Однажды ему попала книга «Воин без страха». Написанная живо и увлекательно, она действовала на впечатлительного юношу и заронила мысль о военной службе. Геройские подвиги защитников Севастополя, о которых тогда знала вся Россия, ещё более укрепили это решение. Не имея понятия о действительной обстановке службы, он с нетерпением ждал минуты, когда увидит всё, о чём знал лишь по книгам.

По окончании гимназии в 1855 году, когда Пржевальскому минуло шестнадцать лет, он объявил матери о желании поступить на военную службу. Мать согласилась, но отложила поездку в Москву до сентября, чтобы отправить его вместе с братом, поступавшим в университет. Целое лето Николай Михайлович провёл среди дорогих ему мест: охотился, рыбачил, бешено катался верхом. Время пролетело незаметно. В те времена, за отсутствием железных дорог, собирались долго: исправляли коляску, делали закупки, готовили всё необходимое. В день отъезда в доме чувствовалось угнетённое состояние. Николай Михайлович сразу изменился: весёлость уступила место мрачному настроению. Тяжело было расставаться, может быть навсегда, со всем, к чему он с ранних лет так привязался. Накануне он обошёл любимые уголки, побывал на болоте и, поднявшись на горку, дал прощальный выстрел. Ночь провёл почти без сна. «Наконец наступила роковая минута. Меня позвали к матери. Я вошёл в зал. У большого образа теплилась лампада, а на коленях перед ним со слезами молилась мать. В углу стояла няня, несколько дворовых — все плакали. „Станьте здесь и молитесь“, — обратилась к нам мать. Мы молча исполнили приказание. Глубокая тишина водворилась в комнате. Наконец мать встала и взяла образ; я подошёл к ней. „Да сохранит тебя Господь Бог во всей твоей жизни“, — сказала она и начала благословлять. Этой минуты не вынесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемые слёзы брызнули из глаз, и я зарыдал, как ребёнок». «Прощай, мой голубчик, — сказала, поцеловав меня, няня-старуха. — Прощайте, барин, дай Бог вам счастья», — слышалось со всех сторон. Это была минута тяжкого испытания, — я не забуду её никогда». Определившись унтер-офицером в Рязанский пехотный полк, Николай Михайлович скоро познакомился со всеми тяготами службы: делал пешком по тридцать и более верст в день, питался грубой пищей, квартировал нередко в кухне, где в декабре даже во время топки печи термометр показывал пять градусов ниже нуля. Обстановка службы, безделье, карты и кутежи офицеров — всё не нравилось Пржевальскому. Он уходил в лес на охоту и часто там плакал, тем более что был ещё так молод и неопытен и больше походил на ребёнка, чем на воина. — За что это тебя, — спрашивали крестьяне, — такого молодого в солдаты отдали? Сидя одиноко в лесу, Пржевальский переносился мыслями в родимый дом и горько жаловался матери на судьбу.

«Прослужив пять лет в армии, я наконец ясно сознал необходимость изменить этот образ жизни и избрать более обширное поприще деятельности, где можно было бы тратить труд и

время для разумной цели». Он решил усиленно готовиться к экзамену в Николаевскую академию Генерального штаба в Петербурге. Ревностно принялся за книги, просиживая над ними по шестнадцать часов в сутки, а для отдыха отправлялся на охоту. После года усидчивых занятий он прекрасно выдержал испытание и был принят в академию одним из первых. Время в академии тянулось однообразно. Сначала Николай Михайлович сильно бедствовал и часто оставался совсем без обеда. Держался особняком, лекции посещал аккуратно, но военными предметами, к которым не лежала душа, вовсе не занимался. В свободное время читал много книг по истории и естественным наукам. В мае 1863 года Пржевальский вышел из академии и отправился поручиком в Польшу. Принимая горячее участие в нуждах сослуживцев, он незаметно занял среди них почётное место и стал их руководителем. Но новая деятельность не удовлетворяла его: жажда знания и недостаток книг побудили переменить положение. Вскоре он был переведён в Варшаву взводным офицером и преподавателем истории и географии юнкерского училища. В Варшаве Пржевальский нашёл всё, что было нужно: образованных людей, книги, пособия. Он мог вполне предаться любимым занятиям по естественной истории и подготовиться к осуществлению заветных мечтаний о путешествиях. Вставал он всегда рано, часа в четыре, и тотчас садился читать сочинения по истории, географии, зоологии и ботанике; к восьми утра являлся в юнкерское училище. Всегда весёлый и шутливый, говорил громко, ясно, урок излагал оживлённо. Его одинаково любили и товарищи, и юнкера. Последние особенно ценили его за внимательное и беспристрастное отношение к ним и их трудам. Свободное время он проводил дома за чтением или в зоологическом музее и ботаническом саду при Варшавском университете, пополняя знания. В гостях бывал редко. Зато почти каждый день в его квартиру заглядывали ученики юнкера. Он был радушным и хлебосольным хозяином и кормил посетителей до отвала. Сам любивший хорошо покушать и полакомиться сладостями, он заготавливал обильное угощение и для гостей: рыбу, колбасы и сыры, яблоки, финики, апельсины и шипучие воды. Вот как описывает свои посещения один из бывших юнкеров: «Мы никогда не стесняли его и не мешали ему. Чутьём мы знали, когда он намеревался заниматься; тогда никто не дерзал войти в комнату, где он сидел. В таких случаях мы брали с заветных полок книги и просиживали целый вечер за чтением. Случалось, мы уходили, не видав его, пробыв в квартире шесть-семь часов. Его слуга Заикин в такие вечера, подавая чай и закуски, грозил нам пальцем и говорил шёпотом: „Тише, тише, господа юнкера, Николай Михалыч не уважают шуму, когда в книжку читают“. Затем наливал чай, клал на тарелку яства и на цыпочках входил безмолвно к своему барину». В девять часов юнкера расходились, так как в это время Пржевальский ложился спать. Когда же к нему приходили товарищи — офицеры, студенты и хранители музеев университета, что случалось довольно редко, он увлекался беседами по естественной истории и спорил; далеко за полночь просиживали гости. Среди этих занятий Пржевальский всё чаще задумывался. Оторвавшись от книги, подолгу сидел неподвижно, глядя в окно. Природа с её бесчисленными красотами манила его, не давала покоя, соблазняла мысль о путешествии. Но как осуществить мечту? Скоро представился случай: в 1867 году он был причислен к Генеральному штабу с назначением в Восточно-Сибирский округ. Ученики и товарищи с грустью провожали Николая Михайловича, но сам он находился в восторженном состоянии и торопился к новому месту служения. Заручившись в Петербурге рекомендательными письмами, он уехал в Иркутск, где власти приняли его дружелюбно и вскоре объявили, что он командирован в Уссурийский край для изучения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.